

Знакома фраза: «Ее давно разглядели газеты. За Андреевичем идут всегда слухи о хроникере и интервьюере. И когда его произведение еще делается, как дитя из колыбели, в угоду автору, — уже впадают черты детели. Я на одну поэтому долго переключалась внимание. А затем, отчаявшись загнать за прата бычачки, бросаю ей вызов». И несть ей нево, как камень из праши, судьбу Давида Лейзера. Его возвышенную душу, его чистоту используют они, чтобы показать, чего отнять жизни человека и человечеству. Через Давида Лейзера они покажут, что самое прекрасное, что дано человеку и человечеству, самая светлая сила, любовь, — она бесцельна отворить гармонию, озарить потемки жизни.

Вы знаете, как осуществляются ототы плавы. А затем, продиктованный не любовью к человеку, но отчаянием скорби за него. Вы знаете, что Анатоля привнес облик адвоката Нудлуса, привнес вину еврея, который ждет смерти и говорить сь волнами о судьбе, богатство, подкажет ему, что богатство это надо вернуть Богу, раздать нуждающимся, чтобы омыслить их, подкажет высшую заповедь любви. И оть исполнения ее, изъ возвышеннейших движений души родятся лишь цветы зла, Потекут со всьх концов земли алчущие и нуждающиеся, голодные и страждущие. Как четыре моря, остане автору они у ног Давида, радующего людей. Защлают всь мечты, всь грезы, которые возлет вносить вь себя человечество, — равенство, а справедливости, о чуде. И всь мечты — вынуть, и голодь тела, и голодь души остануть неутоленными, только еще больше растревожеными. И благодетельные научуть проклинать, и слованше край ожеды пошмуть камешь, чтобы побить кто, кто обмануть и предать. Потому что они, благородный, неса — любовь, неса — гораншесть подвига, действительно обмануть. Потому что жизнь человека — проклять, потому что голодь неутолим, справедливости не достигима, и чудо — вь власти человека. Потому что любовь бесцельна, жизнь, обречена на смерть, а я-тина оловама человека, собраны за вратами. Вся история человечества, явившая великие подвиги любви, богаса чрезвычайными и приженила дух и сердце, не добыла жизни человеческой счастья, гармонии, деной радости бытия. И вся история жизни, знающая великие подвиги ума, богаса чрезвычайными и приженила гоним, не добыла истины, деной радости понимания, не вырвала человека изъ днел роковой загадки.

Така должна подготожить судьба Давида Лейзера. Я говорил, — Леонид Андреев пробуеть «подготожить» иначе. Но что итог — лишь приотставленны изъ действию драмы, изъ нея не вытекающей, ее фактами драмы, не оправданной. И потому, что Андреев очень силен, когда отприняет и слышет, оттого, что громадна сила его художественных воображений, — оть «Анатоль» впечатлительнее тяжелее, угнетенней отрываться оть днелотв его драмы, угнетенней уходить изъ театра.

Может быть, дря театра — оть еще больше тягостю. Потому, что (сбыло начало, которое заеть такое громадное тело вь драму, глубоко растранивается и зарветь красотю, и которое уплощено вь Давида Лейзера, вь спектакль Художественного театра значительно утербило вь своей лучезарности и возвышенности красоть. Така утвержденный совет Давида не могь противостоять Фраку — Анатолю. Элементь жаркого сердца ступебался передь элементомь холодного ума.

Зритель можеть разобрать, что — оть автора, что — оть актера, можеть слыгать свои комбинации изъ данных драмы. Но воспринимаеть оть вь чувствах так, как дано на днел, вь пропорциях сценической передки. Для отого непосредственного восприятия, для впечатлительна сцена значительнее, известие драмы. Автор, проед у театра помощи его сил, увеличивая или выразительность своего произведения, за это платить дорогою днелю. Он — тожно мать, отдающая днел вь чужия руки и отрезающаяся оть части своих праг.

И вь Художественном театре, явившая впечатление «Анатоль», многок данилася одна изъ частей драмы. Может быть, — не самая глубокая, но самая прекрасная, — потому что Давид Лейзер явился прекрасною, и рьче его — разительной, днелю бызвельской красотю, и чужаства его — возвышеннаго благородства. Исполнение г. Вишневекого, иь-тама — удивляющее, искреннее, было днелю роди, убавляло ей значение и днелесть. «Анатоль» скоро выйдеть, конечно, изъ печати. Когда вы будете читать его, — Лейзер днелить все наше сердце.

Но во всьх дорогах Художественный театр выместовал новую трагедию Леонида Андреева, какь самая великая, великая и углубля мать. И далъ Андреев там же Анатолю, который вьрядь вь и гримаса Анатоль. Качалов подляя вь отой роли, такой, казался, далекой тому, за чему онь привнес вь своей предмудрой работи, на высоту, равную ему недоступную и достигнуто лишь очень и очень немногим художникамь театра. Я не хочу говорить «страшных» слов. Но я думаю, что к Качалову вь роли Анатоля приложимы всь эпитеты. И ни один не будеть чрезвычайнымь.

Какь играл Качалов, и какь поставлена пьеса, — я поговорю вь слудующий раз.

Старый друг.

